

Часть четырнадцатая

АФГАНИСТАН: НЕОБХОДИМОСТЬ ИЛИ ОШИБКА?

КАК ЭТО БЫЛО

В 1973 году в Афганистане король Захир-Шах был свергнут своим двоюродным братом Даудом. Афганистан был объявлен республикой, провозглашены ряд реформ, но они не изменили жизнь народа. Это дало в стране толчок для политической активности ряда партий и движений.

27 апреля 1978 года в Афганистане произошла революция. К власти пришла Народно-демократическая партия Афганистана, провозгласившая курс в стране на социалистические преобразования. В Кабуле и других крупных городах встретили революцию одобрительно. Но провести революционные преобразования в Афганистане было непросто, учитывая, что в стране 95 процентов людей безграмотны, где никогда не существовало крепкой централизованной государственной власти, где царили средневековые феодальные отношения, и вся жизнь строилась не на государственных законах, а религиозных - на законах Шариата.

Более того, уже в начале нового правления не сложилось единства целей и взглядов у правящей партии, началась открытая борьба за власть, внутри - партийные распри. Неумелое проведение, казалось бы важных реформ, привело к недовольству, неповиновению, открытым выступлениям среди населения и вооруженных сил. Население целых кишлаков покидало свою землю и уходило за рубеж. Обстановка в стране стала взрывоопасной. Это вызвало беспокойство в нашей стране. С двадцатых годов у СССР с Афганистаном были добрососедские отношения, основанные на дружбе и взаимопомощи. Более того, в период 1939-1945 годов Афганистан, благодаря помощи нашей страны, не был втянут во Вторую мировую войну, сохраняя суверенитет, не позволил гит-

леровцам использовать свою территорию для вторжения в Индию.

В середине пятидесятых годов возникли сложные политические и экономические отношения Афганистана с Пакистаном. Соседи отказали афганцам в провозе товаров через их границу и территорию. И снова выручил СССР. 28 января и 1 марта 1956 года между СССР и Афганистаном были подписаны первые долгосрочные соглашения по экономическому и техническому сотрудничеству. Ими предусматривалось оказание помощи Афганистану в строительстве гидроэлектростанций в районе Наглу и в городе Пули-Хумри, авторемонтного завода и крупного современного аэропорта в Кабуле, автодороги через горный перевал Саланг, Джелалабадского ирригационного канала с комплексом водозаборов для орошения земель и еще немало важных объектов. Планируя и осуществляя все это, Советский Союз видел укрепление дружественных, экономических и политических связей, безопасности своих южных рубежей.

Эти проекты были осуществлены и дали экономический рост Афганистану. Построенный в городе Мазари-Шарифе мощный завод азотных удобрений и созданный в провинции Нангархар ирригационный комплекс, позволивший оросить десятки тысяч гектаров земли в субтропической зоне, обеспечили огромное производство, а затем и переработку цитрусовых культур и маслин. Был организован экспорт этой продукции в СССР.

Кабульский аэропорт связал Афганистан со многими народами Азии и Европы. Созданная первоклассная горная трасса Кабул – Хайратон прошла через богатые, но труднодоступные районы страны и кратчайшим путем связала через перевал Саланг Афганистан с Советским Союзом, а через его дороги и всей Европой. За три десятилетия мы подготовили для Афганистана более 75 тысяч квалифицированных рабочих, тысячи специалистов для различных отраслей народного хозяйства, провели крупные и успешные изыскательские работы по открытию полезных ископаемых и оказали помощь в их разработке.

Большое значение наша помощь имела в развитии образования. В шестидесятые годы был нами построен и передан в дар Афганистану Кабульский политехнический институт, способный обучать 1500 студентов одновременно. Были с нашей помощью построены и открыты горно-нефтяной техникум в городе Мазари-Шарифе, автомеханический техникум в Кабуле.

В 1978 году был подписан ряд новых долгосрочных экономических договоров. Были построены мощный хлебозавод в Кабуле, крупнейшие нефтебазы в Хайратоне, Мазари-Шарифе, Логаре, станция космической связи “Лотос”, автопредприятие по обслуживанию 600 автомобилей “Камаз” и многие другие.

Половина всех доходов в государственный бюджет поступала из предприятий советско-афганского сотрудничества. И наша страна имела экономические выгоды от этой совместной работы.

Все эти годы на земле Афганистана работали и представители ряда капиталистических стран. С развитием капиталистических отношений в полуфеодальной стране процесс развития общества стал неустойчивым. В кишлаках многие сельские жители не имели земельных наделов, а брали поля в аренду у богатей, отдавая за это до четырех частей из пяти от полученного урожая. У рабочих

в городе условия труда были крайне тяжелыми, а заработная плата позволяла едва сводить концы с концами. Изменить это за короткий период было практически невозможно.

После неудачных реформ революционного правительства недовольством народа не преминули воспользоваться спецслужбы многих капиталистических государств. Началась дискредитация социалистического пути в революционном движении. “В последнее время, – отмечал в те дни военный атташе в Кабуле полковник Баранаев в одном из сообщений, – в деятельности американских официальных и частных организаций в ДРА произошли изменения: существенно преобразовалась деятельность американского культурного центра в Кабуле, который значительно увеличил число слушателей на языковых курсах, систематически проводит кинолектории. Необычайно активизировалась деятельность смешанной афгано-американской авиакомпании “Ариана”. По инициативе американцев из США прибыла большая группа специалистов авиакомпании “Дуглас”, которые владеют языками дари и пушту, знают восточные обычаи ...”

А вот сообщение, опубликованное 4 июля 1979 года в пакистанской газете “Миттлат”: “В результате иранской революции ЦРУ перенесло свою штаб-квартиру в Пакистан. Отсюда ей поручено держать под контролем развитие событий в Афганистане и Иране”. Из Пакистана в Афганистан тайно хлынуло не только оружие для подрывной деятельности, но и боевики из числа афганской эмиграции и наемники. По данным военной разведки, к концу 1979 года на территории Афганистана уже действовали около 40 тысяч мятежников, командный состав их нередко был перебросен из Пакистана.

В это время по Афганистану прокатилась волна демонстраций протеста и вооруженных выступлений против новой власти. Об этом систематически информировалось правительство СССР и другие заинтересованные ведомства по дипломатическим, разведывательным и военным каналам. Вот лишь некоторые сообщения в Генеральный штаб нашего главного военного советника и военного атташе в Афганистане:

15-20 марта – вспыхнул контрреволюционный мятеж населения в Герате. В нем приняли участие подразделения воинского гарнизона. Мятеж подавлен с помощью правительственных войск. Во время мятежа погибло 2 советских гражданина.

21 марта – раскрыт заговор в Джелалабадском гарнизоне. Арестовано 230 заговорщиков – военнослужащих.

9 мая – массовые антиправительственные вооруженные выступления вспыхнули в провинциях Пактика, Газни, Пактия, Нангархар, Кунар, Балх, Кабул. Во всех районах выступления подавлены войсками.

20 мая – в провинции Пактия подавлено выступление мятежников, решившихся захватить Гардез – провинциальный центр.

5 августа – в Кабуле, в пункте дислокации 26-го парашютно-десантного полка и батальона “коммандос”, вспыхнул мятеж. В результате решительных мер мятеж подавлен. Войска столичного гарнизона приведены в готовность №1.

11 августа – в провинции Пактика в результате тяжелого боя с превосходящими силами мятежников подразделения 12-й пехотной дивизии понесли тяжелые

потери (часть состава сдалась в плен, часть – дезертировала).

14 сентября – в связи с возникшими в руководстве НДПА разногласиями по приказу Хафизулы Амина сегодня в 9.30 в частях Кабульского гарнизона введена готовность № 1. В 16.20 по сигналу начальника Генерального штаба Вооруженных Сил ДРА генерала Якуба войска вошли в город и заняли свои районы ответственности. В 17.50 по кабульскому радио было объявлено об изменениях в правительстве ДРА. Согласно сообщению, Нур Мухаммед Тараки освобожден от занимаемых постов. Сняты с постов члены Политбюро ЦК НДПА, министры внутренних дел, связи, министр по делам границ, начальник службы безопасности, все они обвинены в заговоре.

16 сентября – на Пленуме ЦК НДПА 16 сентября Генеральным секретарем ЦК НДПА, председателем Ревсовета ДРА избран Хафизула Амин. Резиденция Нур Мухаммед Тараки блокирована войсками. Все линии связи с ней отключены. Арестованы командиры артиллерийского полка, отдельного танкового батальона, начальники штабов 4-й и 15-й танковых бригад. Вылеты авиации всех видов запрещены ...

10 октября – по сообщению Афганского информационного агентства, переданного сегодня утром по радио и телевидению, Нур Мухаммед Тараки умер 9 октября “после непродолжительной, но тяжелой болезни. Тело покойного захоронено в фамильном склепе”.

15 октября боевыми действиями частей Кабульского гарнизона при поддержке авиации, танков и БМП подавлен мятеж в 7-й пехотной дивизии. Цель мятежа – физическое устранение от власти Хафизулы Амина.

Мятежи в армии стали неожиданностью для тогдашних лидеров НДПА. После гератского мятежа в марте афганское руководство настойчиво просит о вводе на территорию страны советских войск. В историко-архивном отделе Генерального штаба Вооруженных Сил хранятся сообщения с просьбами, поступавшими от Тараки и Амина. Они передавались через наших представителей в Кабуле: посла Александра Пузанова, представителя КГБ генерал-лейтенанта Бориса Иванова и главного военного советника генерал-лейтенанта Л. Горелова. Высказывались они и советским государственным и военным деятелям, посещавшим Кабул. Тараки дважды поднимал этот вопрос в беседах с секретарем ЦК КПСС Борисом Николаевичем Пономаревым, а Амин – с генералом армии Иваном Григорьевичем Павловским.

Вот некоторые из этих сообщений:

“ ... был приглашен к товарищу Амину, который по поручению Нур Мухаммед Тараки высказал просьбу о направлении в Кабул 15-20 боевых вертолетов с боеприпасами и советскими экипажами для использования их в случае обострения обстановки в пограничных и центральных районах страны против мятежников и террористов, засылаемых из Пакистана. При этом было заверено, что прибытие в Кабул и использование экипажей будет сохранено в тайне. Горелов. 14.4.79.” (На донесении резолюция Маршала Советского Союза Николая Васильевича Огаркова, тогдашнего начальника Генерального штаба: “Этого делать не следует”.)

“Тараки, а также Амин неоднократно возвращались к вопросу о расширении советского военного присутствия в стране. Ставился вопрос о вводе примерно двух дивизий в ДРА в случае чрезвычайных обстоятельств “по просьбе законного правительства Афганистана”. В связи с этой просьбой афганского руководства было заявлено, что Советский Союз на это пойти не может ... **Б. Пономарев. 19.7.79.**”

“... В беседах с нами **10 и 11 августа** Хафизула Амин отметил, что использование афганских войск, дислоцированных в Кабуле, против мятежников станет возможным после положительного решения советским руководством просьбы правительства ДРА и лично Нур Мухамеду Тараки о размещении в афганской столице трех советских спецбатальонов. **12 августа** председатель службы безопасности Сарвари по поручению Хафизулы Амина просил нас об ускорении выполнения просьбы руководства ДРА о направлении советских спецбатальонов и транспортных вертолетов с советскими экипажами. **Пузанов, Иванов, Горелов. 12.8.79.**”

“**11 августа** состоялась беседа с Хафизулой Амином по его просьбе. Особое внимание в ходе беседы было уделено вопросу о прибытии советских подразделений в ДРА. Амин убедительно просил проинформировать советское руководство о необходимости скорейшего направления советских подразделений в Кабул. Он несколько раз повторил, что “прибытие советских войск значительно поднимет нам моральный дух, вселит еще большую уверенность и спокойствие”. Далее он сказал: “Возможно, советские руководители беспокоятся о том, что недруги в мире расценят это как вмешательство во внутренние дела ДРА. Но я заверяю Вас, что мы являемся суверенным и независимым государством и решаем все вопросы самостоятельно ... Ваши войска не будут участвовать в военных действиях. Они будут использованы только в критический для нас момент. Думаю, что советские подразделения потребуются нам до весны. **Горелов. 12.8.79.**”

“... **20 августа** был приглашен к Амину. В ходе беседы товарищ Амин поставил вопрос о том, что в районе Кабула сосредоточено большое количество войск, в том числе с тяжелым вооружением (танковые, артиллерийские и другие части), которые можно было бы использовать в других районах для борьбы с контрреволюцией, если бы СССР согласился выделить 1,5-2 тысячи “коммандос” (десантников), которых можно было бы разместить в крепости Бала-Хисар ... Далее товарищ Амин поставил вопрос о замене расчетов зенитных батарей 77 зенап, прикрывающих Кабул и располагающихся на господствующих высотах вокруг города, в благонадежности которых он не уверен, советскими расчетами”. **Павловский. 21.8.79.**”

Советские представители в Кабуле также направили в центр несколько докладных о необходимости ввода “под соответствующим предлогом” в ДРА некоторых советских подразделений для обеспечения безопасности при возможной эвакуации советских граждан в случае дальнейшего обострения обстановки. Их просьба была частично удовлетворена. Парашютно-десантный батальон под командованием подполковника Ломакина **7 июля 1979 года** был переброшен на аэродром в Баграм под видом технических специалистов. Десантники усилили охрану аэро-

дрома. Они подчинялись главному военному советнику и не вмешивались в дела афганской стороны ...

Всего 18 раз на протяжении 1979 года афганское правительство обращалось к нам по поводу военной помощи. Советский Союз на все эти просьбы отвечал сдержанным аргументированным отказом.

Почему же все-таки было принято политическое решение о вводе наших войск в Афганистан? Вот что рассказывал по этому вопросу генерал армии Павловский, бывший главнокомандующий Сухопутными войсками: “Где-то в середине августа 1979 года мне позвонил маршал Соколов и сообщил, что решением министра обороны я назначен руководителем группы офицеров для поездки в Афганистан. Президент Тараки, подчеркнул он, убедительно просит нас оказать помощь в активизации боевых действий по разгрому мятежников. На месте будете оказывать содействие в координации действий наших военных советников и генштаба афганской армии. Вскоре наша группа в количестве 20 человек была готова к командировке. Накануне отъезда я позвонил по ВЧ маршалу Устинову в Сочи, где он отдыхал. Помню, в конце непродолжительной беседы я задал министру обороны, что называется, вопрос в лоб: “Вводить войска в Афганистан будем?” Он резко ответил: “Ни в коем случае. И если вас будет руководство ДРА об этом спрашивать, отвечайте в том же духе ...”

Из этих сообщений видно, что уже осенью 1979 года в Афганистане сложилась драматическая обстановка. Значительная часть страны находилась в руках мятежников, в партии шла междоусобная борьба за власть. Афганистан – на грани гражданской войны.

Решение возникшей афганской проблемы для СССР было очень сложным. Оно затрагивало отношения не только двух наших стран. Этот район все больше становился узлом мировых противоречий, где сошлись интересы двух мировых систем. Во внешней политике сторон преобладало тогда не здравомыслие и переговоры, а силовое давление, недоверие и подозрение, при которых отступить любой из сторон – значило многое потерять. Нельзя сбрасывать со счетов и подготовку США в то время к вводу своих войск в Иран в связи с падением там шахского режима. И потеря в те годы дружественного нам Афганистана на южной границе могла оказаться невосполнимой.

12 декабря 1979 года в кабинете Генерального секретаря ЦК КПСС Леонидом Ильичем Брежневым и группой приближенных к нему лиц было принято решение о вводе ограниченного контингента наших войск в Афганистан.

В начале декабря 1979 года министр обороны СССР Дмитрий Федорович Устинов проинформировал узкий круг должностных лиц Министерства обороны о возможности принятия политическим руководством страны решения о применении наших войск в Афганистане, а 10 декабря отдал приказ Генштабу подготовить к десантированию посадочным способом воздушно-десантную дивизию, повысить готовность двух мотострелковых дивизий в ТуркВО и доукомплектовать до полного штата инженерную часть. Так было положено начало созданию будущей 40-й армии.

В течение декабря по устным распоряжениям маршала Устинова Генштаб от-

дал более тридцати различных директив. Для доукомплектования войск были призваны из запаса десятки тысяч офицеров, сержантов и солдат, в основном из республик Средней Азии. Из народного хозяйства в войска поступило около 8 тысяч автомобилей и другой техники. На местах, где разворачивались части и соединения, все думали, что это хотя и крупномасштабная, но обычная проверка боеготовности войск, поэтому многое делалось формы ради, наспех.

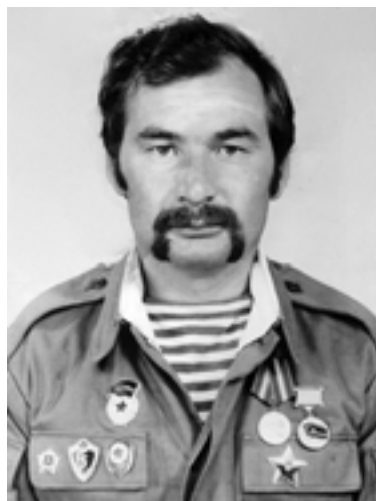
Однако принятое политическим руководством страны “афганское решение” выполнялось неукоснительно. **24 декабря 1979 года** маршал Устинов провел совещание с руководящим составом Министерства обороны СССР. На нем присутствовали заместители министра обороны, главнокомандующие Сухопутными войсками, ВВС, войсками ПВО, командующий ВДВ, некоторые начальники главных и центральных управлений Генштаба. На этом совещании министр обороны объявил о решении советского руководства ввести войска в Афганистан. Пересечение государственной границы было назначено на 15.00 московского времени 25 декабря 1979 года.

На “учения”...

Рассказывает Александр Малков из села Целинного Целинного района Курганской области: “В учебке мне нравилось водить бронетранспортер. Интересная машина, послушная и сильная, мягкая на ходу. Учился хорошо. Может, потому и оставили служить здесь же, на Урале, в Свердловске. Только начал втягиваться в армейскую жизнь, вдруг нас командировали на совместные учения с частями Туркестанского военного округа. Погрузились в эшелоны – и в Среднюю Азию, аж до самой государственной границы, города Термеза. Здесь узнали, что учения будут проходить на территории Афганистана, совместно с войсками этой страны.

В душе возникло беспокойство: все-таки чужая земля и люди не свои. Как они нас встретят? А потом подумалось: что тут особенного? Со многими социалистическими странами совместные военные учения проходят. Афганистан тоже дружественная нам страна. Раздумывать особенно тогда было некогда: получали технику, боезапас, сухой паек.

26 декабря походной колонной перешли границу и направились по известной теперь всей стране дороге от Хайратона через перевал Саланг. Куда идем, точно никто не знал, разве только большое командное руководство. Задача водителя в походной колонне – держать строй и порядок. Проезжали кишлаки и городки. Спешили. Мальчишки бе-

Малков
Александр Михайлович

жали вприпрыжку целые километры рядом с машиной, улыбались, просили бахшиш (сувенир, подарок).

Трудности встретились на перевале. Никто из нас в условиях высокогорья боевую технику не водил. Это оказалось непросто, даже очень сложно. А тут еще снег, обледенение, дорога, как ленточка, ни свернуть, ни разъехаться. Многокилометровая железная колонна зеленой змеей стала вползать в тоннель Саланга. А он почти три километра длиной! На высокогорье в воздухе мало кислорода. А тут еще столько техники! Едем, как в тумане, от выхлопных газов, нечем дышать. Никто не стрелял, а смерть уже находила свою добычу. Начали задыхаться бойцы. По колонне дали команду – надеть противогазы и двигаться дальше. Ломался график. Нервничали командиры. Нервозность мешала здравому смыслу и делу. Здесь я впервые увидел, как сталкивали в пропасть забарахлившие в пути машины, чтобы они не мешали общему движению. Это видел – и становилось не по себе. Как же так? Когда в стране каждая машина на счету! Но приказы выполнялись безоговорочно, как на войне.

За Салангом снова кишлаки. Остановились передохнуть. Местные жители смотрят на нас с тревогой и любопытством, пытаются говорить, некоторые понимают и даже говорят по-русски. Видимо, работали вместе с нашими специалистами на строительстве этой беспримерной дороги и тоннелей. Часто слышалось: “Шурави – хорошо”. Мы раздавали значки, безделушки. У кого что было. Знакомились быстро.

На вторые сутки, к вечеру, были в Кабуле. Разместились на окраине, устроились на ночлег. Измотанные переходом, уснули, как убитые. А в час ночи – подъем по тревоге. Получили наскоро сухпак на трое суток – и в обратную дорогу, по тому же маршруту. На броне пехота. Хотя страна и южная, но холодно. Самый конец декабря. Дома бы елку украшали. А тут холод, ночь и неизвестность.

Утром остановились у развилки дорог Кабул-Баграм, близ города Чарикара. Командир роты, капитан Маковский, отдал команду обосновываться капитально, ставить палатки. Здесь будет сторожевой пост.

– Наша задача, – говорил он, – обеспечить на участке нормальный проход транспортных колонн. Вчера здесь обстреляли наши машины. Есть убитые, сожжена техника. Всем быть начеку, оружие и технику держать в полной боевой готовности. Без команды не стрелять.

Вот тут я понял, что “учения” оборачиваются новой стороной. Игра в войну окончилась. Придется, видимо, стрелять не по мишеням и макетам. Стало как-то не по себе. В душе смятение, неуверенность. Стрелять в живых людей! Хотя они и душманы, но люди же! Стало просто страшно. Подумалось, что я этого сделать не смогу.

На третьи сутки нашего дежурства, как раз под Новый год, близ Чарикара душманы снова обстреляли колонну. Мы прибыли к месту происшествия. Но в колонне никто толком не мог сказать, откуда был обстрел, показывали в разные стороны. Мы открыли огонь по близлежащим горам и кустарникам. Стреляли наугад. Для острастки. Это уж потом мы научились определять опасные места, выставлять там заслоны, делать прочесывание, прикрывать при этом друг друга.

Служба началась беспокойная. Почти ни дня без стрельбы. То “духи” напали

на царандоевский (милицейский) пост, то сожгли школу и застрелили учителя. То обезглавили девушку, снявшую с лица паранджу, то экспроприировали у декхан скот и зерно в пользу исламской революции, то забрали деньги и товары у едущих на базар местных жителей. По первому сообщению афганцев мы садились на технику и неслись на помощь. Но чаще всего не успевали. “Духи” будто испарялись. И куда они ушли, никто не хотел указать. Люди боялись возмездия. На Востоке свои законы жизни. К сожалению, мы долго этого не понимали. Все мерили на свой аршин, на свой характер: открытость и прямоту. Здесь же человек делает одно, думает совсем другое, а поступает по-третьему. Вот и разберись.

Часто даже наши успехи не вызывали восторга у местных жителей. Почти все давалось с боем. А пуля – дура. Она не ведает, что творит. Одна ударила в душмана, а десятки – в виноградную лозу, которую ценят здесь, как и саму жизнь. Ведем прочесывание местности, бронетранспортер идет через арыки и нередко по полям. А как иначе? После таких рейдов арыки требуют ремонта, а у нас не всегда есть время возиться с этим и обстановка часто не позволяет. После каждого рейда радио из Пешевара трубило на весь Афганистан, что оккупанты из банды Маковского ... и рассказывало такие небылицы, что и ушам своим не поверишь. У афганцев что-то копится внутри. Даже в глазах уже знакомых жителей не видно той радости при встречах, что светилась раньше.

Удар в спину

Первый коварный, предательский удар всех нас ошеломил. Случилось это в Чарикаре. Вчетвером мы поехали в город за водой, где уже много раз бывали. Набираем термосы и канистры. Валера Жицких говорит: – Ребята, вы пока воды наберете, я на маркет (базарчик) загляну. Может, фото пленки куплю, пофотографируемся.

Автомат за плечо и пошагал. Отошел метров на пятьдесят. Мы, видимо, делом увлеклись, его из-под наблюдения выпустили, хотя ротный постоянно твердил – не выпускать из поля зрения товарища, в одиночку не отлучаться.

Вдруг яростный крик заставил нас содрогнуться и окаменеть от ужаса. Безоружный Валера бежал к бронетранспортеру с запрокинутой назад головой. Кровь фонтаном била из горла в разные стороны. Он пробежал мимо машины еще метров двадцать и упал замертво. Горло его было перерезано от уха до уха.

Мы схватились за автоматы. Но в кого стрелять? Ярость клопочет внутри. А вокруг такие же изумленные лица местных жителей. Мальчишки, старики, женщины в паранджах ... Автоматные очереди полоснули в небо. Приказали всем стоять. Подоспели наши на технике. Прочесывание маркета ничего не дало. Виновника смерти Жицких и его автомат не нашли. Никто не указал нам убийцу, хотя, наверняка, многие его знали.

Ротный тогда перед всем базаром поклялся, что оружие и убийцу все равно найдет. И слово сдержал. Но для этого потребовалось несколько месяцев. А в тот день мы поняли, что враги не только те, кто пришел с оружием из Пакистана или

спустился с гор из банд. Они есть и среди тех, кто живет с нами рядом. Поняли, что выстрел в упор или удар ножом в спину мы можем получить в любую минуту. После этого сам собой появился мучительный вопрос: кого мы здесь защищаем? И от кого?”

С учений в Афганистан

Рассказывает старший лейтенант Марат Шаймарданов, ныне подполковник запаса из города Шумиха: “Среди выпускников военных училищ, когда заходил разговор о распределении, была поговорка: “Меньше взвода не дадут, дальше Кушки не пошлют”. И вот в 1979 году после 3-х лет службы в Германии, я был назначен на Кушку, а в январе 1980 года был уже в Афганистане.

Марат Шаймарданов

А происходило это так: 11 декабря 1979 года нашу дивизию (командовал ею тогда генерал Шаталин) подняли по боевой тревоге и вывели в запасной район. Началось ее отмотобилизование до штатов военного времени. Ко мне в роту (тогда я служил в ремонтно-восстановительном батальоне) призвали из запаса 12 человек – это одна треть от численности по штату мирного времени. Среди них были разные по возрасту и подготовке люди от 25 до 48 лет. Это бывшие инженеры, шоферы, колхозники. Их переодели, вручили оружие, посадили на технику и начали готовить к каким-то особым событиям. Мы не знали, что нас ждет, куда мы двинемся или от кого будем защищаться.

Кстати, ребята, призванные из гражданки на 20-дневные учебные сборы, с честью выполняли возложенные на них обязанности. Но только не через 20 дней, как планировалось, а через 3 месяца возвратились домой.

Дело в том, что в то время в Иране тамошние революционеры захватили американских дипломатов и длительное время удерживали их в заложниках. Среди нас бытовало мнение, что боевая тревога и вся наша подготовка проводится в связи с этим. Об Афганистане не было даже слухов.

И вот 28 декабря 1979 года наша мотострелковая дивизия, почти на одну треть состоявшая из военнослужащих, призванных из запаса, пересекла государственную границу и вошла в Афганистан.

Первые и навсегда запомнившиеся впечатления: горы, камень, песок, песчаные бури – “афганцы”. Железных дорог нет. Глинобитные, в основном, убогие, дома. Нищета. Все от мала до велика торгуют, меняют, выпрашивают “бакшиш”. Агрессивности среди населения не чувствовалось. Нападали редко, и в основном из засад, на одиночный транспорт. По крайней мере, в Шендантской провинции, где мы дислоцировались, было так весь 1980 год. За другие провинции говорить не

берусь. Страна очень разная. И отношение к “шурави” было разным.

Доставалось больше всех вертолетчикам и разведчикам. Они были обязаны обнаруживать базы “душманов” (так мы звали афганцев, воевавших против нас). Когда базы обнаруживались, направлялись силы для их уничтожения. Операции проходили чаще всего успешно. Но уже были и потери”.

Мы помним братство боевое

Рассказывает курганец Сергей Петров: “Службу в Афгане я начал не как все: ребята – в полк, а я – в госпиталь. Перед отлетом из Союза утаил, что наколот сильно палец и у меня образовался опасный нарыв. В Кабульском госпитале мне полпальца оттяпали. А почему? В Союзе смекнул, что если узнают про нарыв – оставят, а я хотел в Афганистан вместе с дружками, хотя мне предлагали остаться сержантом в учебке.

Сделали мне операцию. Очухаться еще не успел, а в палату заходит девушка с букетом цветов. Спрашивает: “Кто из Кургана?” Сердце у меня екнуло от неожиданности.

– Я, – говорю.

Она кладет цветы на мою тумбочку. Улыбчивая вся.

– Земляк, – говорит. – Я тоже из Кургана.

Поговорили с ней душевно о городе своем, о людях наших. Только она ушла, – парень заходит. Глазами ищет кого-то. Подходит ко мне.

– Узнаешь, земляк?

Смотрю во все глаза, что-то припоминаю.

*Петров
Сергей Викторович*

– Сергей Бесунов я... В одной школе учились, я постарше на пару классов шел. Борьбой еще занимались в секции? Помнишь? Если что, земляк, я тут, при госпитале, на пазике службу несусь.

Дружим с Сергеем с той встречи до сих пор.

Там в госпитале еще одного земляка встретил – Сергея Колотыгина. Он шадринец, но земляк-то все равно наша, курганская. Ему ногу ампутировали. Геройский десантник. Орденом Красного Знамени награжден.. Я пока в госпитале был, в его палате добровольно пол ежедневно мыл. Когда помоешь пол, то некоторое время в комнате какая-то прохлада стоит. А в Афганистане очень важно, когда прохлада – человеку успокоение и облегчение приходит. Вот я и старался для земляка.

Пришел в полк. В нем до меня наш курганец служил – Николай Анфиногенов, Герой Советского Союза. Его подвиг осенил славой само слово – КУРГАНЕЦ. Конечно, и я соответственно себя

поставил. Чести не уронил. Наш полк 181-й стоял в Теплом стане. Его почти все ребята знают, кто от Кабула на Саланг ходил. Наши посты на этом маршруте до Баграма стояли. Комбат был у нас просто легендарный – майор Циркулов. “Духи” за его голову большие деньги обещали. Умел он их вокруг пальца обводить и добиваться победы. Жаль, он вскоре после моего прихода в Союз вернулся, но все ребята, кто при нем служили, и сейчас помнят геройского комбата.

А мне повезло со взводным. Он из училища – и в Афган, но парень с характером, поставил себя в батальоне так, что с ним считались. Ребята из других рот, наслышавшись о нем, приходили на нашего взводного Юрия Мартиновича посмотреть.

Первая операция по проводке колонны на Гордез была для меня просто ошарашивающей. Все обочины дороги были в буквальном смысле завалены сожженной и искореженной взрывами техникой. Прапорщик, что был со мной рядом, более двухсот единиц угробленной техники насчитал, а потом считать бросил. Я такого навала машин больше нигде не встречал, хотя побывал во многих огнедышащих точках.

Сначала, увидев это, перепугался. Что уцелею – даже и не рассчитывал. И действовал не умом, а очертя голову, как в народе говорят. Бояться стал, когда до Приказа, как говорят, считанные копейки остались. Захотелось очень домой вернуться. А тут Пандшерская операция. И перед самым дембелем отчаянный бой у Чарикара, в зеленке. Охотились с духами, кто-кого: то чалма из виноградника высунется, то наша выгоревшая панама. Каменную крепость штурмом брали. Уцелел. Красную Звезду за этот бой получил. А так, за полтора года, более двух десятков серьезных схваток с моджахедами пережил. Такое не забывается, и люди, с которыми шел плечом к плечу, – тоже. К моему взводному в Гомель на свадьбу слетал, пригласил он меня как боевого товарища. И к Николаю Анфиногенову в Обухово съездил, хотя с ним раньше никогда не встречался; в школу зашел, у могилы постоял. Он всем нам навечно боевой товарищ и брат”.

Боевые товарищи мои

Рассказывает курганец Сергей Потапов: “Я вспоминаю Афганистан, в первую очередь, думая о своих боевых товарищах. Помню, как около полугода следил за БТРом с дорогой мне надписью на броне: “Курган”. Промчится он мимо, а я в догадках: “Кто бы это мог быть?”. И вот однажды в Хинжане у штаба батальона, смотрю, тот БТР стоит. Подхожу, с волнением спрашиваю у солдата, что сидит на броне:

– Ты из Кургана?

Он смотрит на меня равнодушно.

– Нет, – и замотал головой. – Серега курганец, вон он от штаба идет.

Смотрю, незнакомый парень. Подходит, не торопясь.

– Так это ты из Кургана? – спрашиваю.

– Я. А что?

*Потапов
Сергей Николаевич*

– Да я тоже из Кургана – Сергей Потапов. Смотрю, а у тебя визитная карточка на броне.

– Вот здорово – Серега! Меня тоже Сергеем зовут! А где в Кургане живешь? Где сейчас служишь?

И пошло - поехало ... Общие знакомые нашлись. Оказывается, мы в одной части служим. Я в первом батальоне, а Сергей Шумков, за БТРом которого я столько наблюдал, – во второй роте нашего батальона. Мы ведем наблюдение от Хинжана в сторону Саланга, а они от Хинжана в сторону Пули-Хумри. И завязалась дружба, продолжающаяся и по сей день. Серегу, правда, вскоре здорово на фугасе тряхануло. Колесо БТРа в сторону отбросило, а Шумкова контузило. Но он не растерялся, вызвал подмогу, оборону держал. До самой демобили-

зации в батальоне у нас говорили, как начальник штаба майор Санталов со своей груди депутатский знак снял и перед строем Сергею на гимнастерку прицепил, сказав: “Самое дорогое, что могу”. Такие награды больше ордена стоят, когда от всего сердца и принародно.

К боевой награде Шумкова представляли, но он ее так и не получил. Это часто в Афганистане случалось. Так что, если у солдата-афганца наград нет – это еще ни о чем не говорит.

Служили в моем взводе Володя Пузырный и Валера Мельник. Отличные пулеметчики и водители БТР. Часто приходилось им по тревоге выезжать на устранение диверсий на трубопроводах горючего. Их так и звали – “трубачи”. Служба была у них нелегкая. Как диверсия, так ожидай засаду. Много раз они рассеивали огнем из пулемета засады моджахедов. А как-то раз при замене трубы “духи” устроили мощный налет, шквальный автоматный и гранатометный огонь. Разорвало трубу, горючее струей ударило по броне – и БТР вспыхнул. Бойцы стали спасать машину: вывели “бронник” из-под огня, выбросили боезапас, чтобы БТР не взорвался. Сами получили много ожогов. А бронетранспортер тот в батальоне на постамент поставили как память мужеству моих бойцов. Разве такое забудешь?

Служил в моем взводе Сергей Титовский из села Киселевка, что на Черниговщине. При устранении диверсии на трубопроводе он погиб. Осколок гранаты пробил комсомольский билет и сердце Сергея. Очень мы все переживали о потере замечательного товарища и бойца. Несколько раз я брался за ручку и бумагу, чтобы сообщить о горе его маме Ольге Николаевне, и не мог. Ведь это матери письмо. О награде его – ордене Красной Звезды – писал в разные инстанции. И как был рад, когда приехав через полтора года на Родину героя вместе со своей женой Таней и сынишкой, чтобы положить цветы на могилу боевого товарища, узнал, что орден сына вручен Ольге Николаевне.

И мать, и односельчане боевого нашего товарища с огромным уважением отнеслись к нашему приезду. Да и не должно быть иначе. Святое дело - память однополчан, а наш приезд жители села так и расценили - сердечностью.

Об афганских пацанах сердце болит, красивые ребяташки. С каким восторгом носились они вслед за нашими колоннами! И еще запомнился садовник в Хинжане. Какие прекрасные розы цвели у него в саду! Он, проходя мимо, уважительно раскланивался с нами, проводил ладонями от глаз к подбородку как бы совершая намаз. Но никогда не разговаривал. Позднее я узнал, что у него душманы отрезали язык, но за что это было сделано, я не знаю. Помню только его печальные глаза и выращенные им прекрасные розы”.

Сергей Потапов сидит второй справа

На огненном перевале

А вот какую память вписал в своем сердце Ришат Сайфутдинов из Альменево: “Кто водил автомашины и колонны “наливников” через перевал Саланг по афганской дороге жизни Кабул-Хайратон, тот, конечно же, видел, сколько там вмуровано навечно в скалы водительских штурвалов от наших “Камазов” и “Уралов”. Наверное, и сейчас по откосам дорог и в горных ущельях лежат груды искореженного взрывами металла от наших автомашин и бронетранспортеров. Это следы многолетней и жуткой “работы” душманских банд. Здесь, на Саланге, в третьем горнострелковом батальоне проходила моя служба с февраля 1985 года по охране высшей отметки перевала - тоннеля, прорубленного строителями через самое сердце мощнейшей скалы. О, какой это тоннель! Каких человеческих сил, ума и рук он потребовал, чтобы соединить наши страны.

Моджахеды-бандиты тайными тропами забирались высоко в горы и оттуда подкарауливали наши автоколонны, наносили по ним свои злобные удары.

Буквально через несколько дней, как я прибыл на заставу Камень, чуть пониже тоннеля на Уланге, душманы расстреляли из гранатометов колонну “наливников”: более пятидесяти машин. Представьте море огня и вы поймете, что такое дорога

Ришат Сайфутдинов

на Саланг . На эту операцию по ликвидации банды моджахедов я не попал, хотя бойцы заставы Камень, где я начал служить, выезжали. “Дедовщина” в нашем батальоне проявлялась в том, что послужившие ребята не брали не обстрелянных, молодых на такие операции, пока они не “оботрутся” в службе, не поймут суть службы в горах, в условиях личной ответственности за жизнь товарищей: зачем терять “несмышленишей”. И “дембеля” были правы. Жизнь на заставе, даже без боев, учила многому. Сами разговоры старичков были своеобразными уроками. Каждый из нас позднее оценил, что значит братство боевое, когда можно полагаться на любого, кто вместе с тобой идет на операцию. За полтора года службы на Камне я много раз убедился в этом. И всегда по-особому понимал слово “дембеля”.

Особенно горячим был в Афгане 1985 год. Настрелялись мы вдосталь, до дрожи и тошноты: духи объявили его решающим. За участие в одной из операций я был награжден орденом Красной Звезды.

А демобилизоваться пришлось на четыре месяца позднее, лежал в госпитале после подрыва на mine. Металл от нее живет во мне и не даст забыть никогда – и бои, и друзей!”

Дороги жизни и смерти

Кавалер ордена Красной Звезды и медали “За отвагу” Андрей Макаров из поселка Варгаши о своей службе на афганской земле рассказывает: “Честно сказать, я хладнокровно принял известие об отправке в Афганистан, хотя знал, что там идет война, есть жертвы. Был спокоен, потому что “слабаком” себя не считал, со спортом всегда был на “ты”, а преодолевать трудности жизнь уже научила.

Правда, в то время я еще не знал, что война с душманами особая. Там легко берут на “мушку” даже самых подготовленных и выносливых ребят. Со временем я осознал эту опасность. Если душманам удавалось вывести из строя одну машину в середине колонны, то движение за ней моментально прекращалось. Вся колонна попадала под шквальный огонь “духов”. В такой момент надо было убрать горевшую машину с дороги, вытащить из кабины водителя, если он ранен, перенести в другую машину и продолжить движение. На все это отводятся секунды, так как “духи” могут в любой момент подбить следующую машину.

До Анавы, где дислоцировался наш второй батальон 345-го полка, дорога была шириной в проходивший по ней камаз. Поэтому направление движения грузовых машин регулировалось по четным

*Макаров Андрей
Владимирович*

и нечетным числам. Скорость же на всем протяжении обычно не превышала десяти километров в час. Машины шли, одним боком прижимаясь к скалам, с другой же стороны зияла пропасть, готовая в любой момент проглотить машину и зазевавшегося водителя. Пристальное внимание за полотном дороги было необходимо и для обнаружения ее заминирования. Неосторожность часто могла закончиться и заканчивалась смертельным исходом.

На всем ее протяжении по обочинам осталось много памятников нашим погибшим ребятам. Среди погибших были и те, с кем я вместе служил, преодолел не одну тысячу километров афганских дорог.

Однажды в составе колонны я вез продовольствие в Анаву. Колонна состояла из 40 машин. Сверху нас сопровождали вертолеты. Без приключений добравшись до Анавы, разгрузились, переночевали и собрались в обратную дорогу. Однако афганские соединения (мы их называли “зеленые”) вышли раньше наших машин и были обстреляны душманами. Наша колонна вышла позднее, поэтому мы уже знали, что ехать придется и ночью. В горах темнота наступает мгновенно, буквально за считанные минуты.

Едва вошли в зону гор, “духи” начали обстрел. Мой камаз из-за перебитой электропроводки оказался без света. Хорошо еще, что машина не потеряла ход и могла двигаться.

Впереди идущая машина оказалась подбитой. БТР взял ее на буксир. Мне из-за полной темноты пришлось почти вслепую двигаться след в след за БТРом. Когда машина, следующая за мной, на время оказывалась за поворотом, я ориентировался только на темный силуэт ползущих впереди машин. Чтобы не потерять их из вида, пришлось выбить лобовое стекло. Машина шла, вплотную прижимаясь к горным выступам, ведь малейшее отклонение в сторону могло сбросить ее в пропасть. Пришлось выбить дверку, чтобы успеть выпрыгнуть в случае опасности.

Так на протяжении пятнадцати километров, скрежеща кузовом по скалистым выступам, моя машина ползла в составе колонны. Только добравшись до Баграма, я увидел, как была искорежена вся моя машина. Вечностью показалась мне эта поездка. До боли в пальцах сжимая баранку, я ловил себя на мысли, что если доеду до Баграма, домой обязательно вернусь живым.

Сильный обстрел пришлось пережить мне в момент вывода нашего полка с территории Афганистана. В то время наши блокпосты в горах уже были сняты. Это давало возможность душманам свободно передвигаться в горах и без опасения вести шквальный огонь по колоннам.

Слава богу, отделение, которое я выводил, в полном составе вернулось на Родину.

За время службы я сполна познал цену настоящей солдатской дружбы и взаимовыручки, вместе с однополчанами неоднократно встречал смерть лицом к лицу, спасал и терял своих друзей.

Война научила меня ценить жизнь, дружбу между людьми, мир и покой на Земле. Война для меня, как и для многих друзей-афганцев, не прошла бесследно. И мы ее не забудем.

КОМАНДИРОВКА В XIV ВЕК

Почти три тысячи военнослужащих - зауральцев прошли нелегкими дорогами Афганистана. У каждого из них пребывание там оставило на сердце и в памяти свои отметины, свои затеси, свои оценки и суждения. Вот и мы, автор и редактор этой книги, два человека, два товарища-сподвижника, побывавшие в этой стране, я командиром мотострелкового батальона, а Геннадий Павлович Устюжанин - советником ЦК КПСС при Центральном Комитете Народно-демократической партии Афганистана, много раз размышляли о событиях той поры в этой древней стране. Ему пришлось окунуться в процессы жизни народа гораздо глубже, чем нам, военным.

Я попросил Геннадия Павловича поделиться некоторыми оценками сторон жизни афганского общества. И он любезно согласился: “Я находился в Афганистане с мая 1983 по май 1985 года. Думаю, что некоторые известные мне факты и данные помогут читателям глубже понять обстановку в этой стране после Апрельской революции и причины, почему наша помощь дружественному народу оказалась не такой эффективной, как это ранее предполагалось руководством нашей страны.

Задачи аппарата советников ЦК КПСС при Центральном Комитете Народно-демократической партии Афганистана были весьма обширными. Они не ограничивались вопросами только партийного строительства и партийной жизни, а охва-

*Посол СССР в республики Афганистан Фикрят Ахметжанович Табеев и президент демократической республики Афганистан Бабрак Кармаль.
Фото из архива Геннадия Устюжанина*

тывали все стороны и сферы состояния афганского общества, начиная от выработки политических предпосылок и планов практических действий по укреплению партийного влияния в органах государственной власти в центре и на местах, связей с населением, взаимодействия всех советнических структур при министерствах и ведомствах правительства ДРА, а также взаимоотношения ограниченного контингента советских войск с местным населением.

Советнический аппарат в своей работе взаимодействовал с посольством СССР в Афганистане. Его возглавлял тогда Фикрят Ахметжанович Табеев, хорошо знавший законы Шариата и жизнь афганцев. Встречи и беседы с ним, его советы помогли многим из нас не допустить опрометчивых решений и действий по работе с местным населением.

Два года работы советником в высших эшелонах власти республики Афганистан окунули меня с головой в жизнь всех слоев афганского общества, в деятельность партийного и государственного аппаратов, местных органов власти, заставили познать обычаи, традиции народностей и племен этой страны, вникнуть в деятельность ограниченного контингента советских войск, армейских формирований противоборствующих сторон, воздействия средств политической и массовой информации на население правительственной пропаганды и различных “голосов” противоборствующей стороны и многое другое.

Многое, с чем приходилось сталкиваться в повседневной афганской действительности и работе, до крайности удивляло, порой просто изумляло и обескураживало, требовало совершенно иного осмысления событий, поиска неординарных решений и действий, совершенно иных методов работы в сравнении с теми, что мы использовали у себя в стране.

Уверен, что кто побывал в Афганистане, был буквально потрясен крайней бедностью большинства населения. Когда я прибыл в эту страну, там шел по восточному календарю 1362 год. И вся окружающая жизнь, казалось, замерла и находилась на уровне этой глубокой для нас древности. Четырнадцатый век, воображаемый в моем сознании, полнокровно существовал вокруг в действительности. Поразила почти поголовная безграмотность населения. Свыше девяноста процентов людей не умеют читать, многие из них не знают, сколько им лет, не назовут года своего рождения. Отпечаток пальца вместо подписи на документах – обычное явление. Мне лично приходилось участвовать в боевых пропагандистских походах, в переговорах со старейшинами кишлаков, вождями племен, которые договора о сотрудничестве с народной властью скрепляли отпечатками пальца и клятвой на Коране, когда в одном кишлаке просили помочь открыть школу и медпункт, а буквально в двух десятках километров - в следующем кишлаке просили не вмешиваться в их жизнь, ни школы, ни медпункта не открывать. Они хотели жить, так как жили их далекие предки...

Даже среди самой образованной прослойки афганского общества – духовенства, более половины – люди неграмотные, зазубрившие на слух суры из Корана. Зато памяти афганцев можно было только завидовать. Очень многие буквально за год-два научились разговаривать по-русски.

В партийных организациях положение с грамотностью оказалось не лучше. В городских организациях, правда, процентов до 20 членов партии умели читать, а в

кишлачных – грамотных партийцев не более 7-10 процентов, а то и вовсе нет. Сразу пришлось усомниться в достоверности записанного во всех партийных и государственных документах выражения о всенародной поддержке идей Саурской (Апрельской) революции. Осознанной поддержки народом революционных преобразований не могло быть. Вспомните слова Ленина, что неграмотный человек стоит вне всякой политики.

Как я убедился в дальнейшей работе, даже грамотные афганцы очень ограничены в абстрактном мышлении, в умении митинговую, лозунговую пропаганду доходчиво истолковать, а тем более применить на практике, претворить в жизнь. Поэтому кропотливую разъяснительную работу среди населения партийцы подменяли политическими лозунгами, приказами, часто с помощью военной силы. А ведь давно известно: кто устанавливает власть с помощью винтовки, тому долго не придется поставить ее в пирамиду. Обстановка не позволит. Так случилось и в Афганистане.

Я знал, что религия Ислам прочно вошла в уклад и образ жизни афганцев. Для Востока это характерно. Но в сочетании с полнейшей безграмотностью людей она сделала многих мусульман настоящими фанатиками. В Афганистане действовало в то время 23 тысячи мечетей, 14 тысяч святых мест, насчитывалось свыше 250 тысяч мулл и других служителей культа. На каждые 60 человек – священнослужитель. Такой высокой насыщенности духовенства не существует больше ни в одной стране мира. Ничто не делается в Афганистане без благословения священнослужителей. Силу влияния слова муллы россиянину даже не представить. Повелит

*Фотография на память после одного из совещаний.
Второй справа-президент республики Афганистан Бабрак Кармаль,
второй слева - Геннадий Устюжанин.*

священнослужитель декханину пожертвовать жизнь Аллаху – тот, не задумываясь, исполнит повеление.

Часто именно по слову духовного наставника люди сотнями, а то и тысячами уходили с родных мест на чужбину. После революции многие декхане отказывались принимать землю от народной власти, если мулла не благословит этот акт. А мулла не мог его благословить, так как Шариат запрещает взять чужое. Суеверный народ, как правило, неотступно придерживается обычаев, даже тех, что давно уже пришли в противоречие с жизнью. В Афганистане, например, до 15 процентов мужчин не имеют семьи, потому что нет денег выплатить “калым” - выкуп за невесту. Народная власть попыталась искоренить несправедливость. Она законом отменила Калым. Но закон пришлось приостановить. Возмутились женщины: “Это несправедливо, - говорили они. - Овца стоит денег, курица – тоже, а я ничего не стою? Такому не бывать!” В то же время в Афганистане отец спокойно может обменять свою дочь 12-13 лет на такую же девочку и привести ее в свой дом второй или третьей женой. И никто не возмутится таким обменом, даже мать ребенка. Таков обычай.

Больше половины жителей страны за свою жизнь не бывали за пределами своего кишлака. Особенно это касается женщин. Она может после замужества не увидеть больше родных, хотя и живет с ними в одном городе. Без мужа – ни шагу за дувал. Даже калитки, ведущие во двор, сделаны ниже человеческого роста, чтобы лицо женщины, если она во дворе ходит без паранджи, не мог, даже случайно, увидеть посторонний человек с улицы, когда кто-то откроет калитку при выходе. Здесь честь женщины берегут особо. Вы не услышите вздорного анекдота о женщинах. О них вообще не принято вести разговор в мужской компании. Даже имя жены у афганца не принято спрашивать. Это расценивается как личное оскорбление.

Многие парадоксы породила неразвитость средств связи. Например, в Кабуле, с населением более миллиона человек, не поименованы улицы и не пронумерованы дома. Письма адресуются на мечеть, и мулла вручает письмо адресату. Мечетей в Кабуле двести сорок.

В стране нет системы военных комиссариатов. Набор в вооруженные силы во времена короля проводился поставкой рекрутов от пуштунских племен, а после революции стал осуществляется методом отлова. Рота или батальон окружают базар, могут войти в университет. Всех, кто на вид годен для службы в армии, забирают, под охраной сажают в машины с высокими бортами, через которые не выпрыгнешь, и везут в воинскую часть. Там одевают в солдатскую форму и зачисляются на службу. Если земляки не видели, что человека забрали в солдаты, то семья считает его пропавшим без вести. Написать домой о случившемся человек не может из-за неграмотности, да и почтового сообщения в нашем понимании в Афганистане не существует.

Мне пришлось столкнуться с таким фактом, что в кишлаке, расположенном в ста километрах от Кабула, люди даже не слышали, что в стране произошла революция и короля давно нет, хотя шел уже пятый год, как это произошло.

В Афганистане никогда не существовало государственности в нашем понима-

нии. Племена и народности живут по своему укладу и традициям, которые почитаются выше всех государственных законов и указов. Почти все племена имеют собственные вооруженные формирования, подчиненные вождю племени. Они бывают от десятков воинов до нескольких тысяч.

Границ и пограничной службы, в нашем понимании, тоже не существует. Есть отдельные контрольные пункты на главных торговых путях и магистралях. Афганцы свободно кочуют по своей стране и за ее пределами. Земли одного племени, например, могут находиться на территории Афганистана и Пакистана, так как государственная граница обозначена только на карте, а на земле реально не существует.

После революции в стране решили перейти к новому общественному строю без замены существующего государственного аппарата, государственная система управления и большинство чиновников остались прежними. Они не понимали, а вернее – не хотели понимать и принимать никаких перемен в общественной жизни. Она их вполне устраивала. Поэтому распоряжения и указы новой власти продвигались в жизнь черепашими темпами, а чаще всего оставались без движения. Переход от феодального средневековья к социализму, как мечтали перейти партийцы Афганистана, конечно же, состояться не мог. Об этом много раз говорилось афганским товарищам на всех уровнях власти, но осознать это они так и не смогли, да и не хотели.

Для многих партийцев и крупных государственных служащих главное было заполучить пост, а в дальнейшем - хоть трава не расти. Они нередко стремились переложить свои служебные обязанности на советнический персонал. Советни-

*Интернациональный боевой пропагандистский отряд на марше.
Второй слева советник Геннадий Устюжанин*

ческий же персонал имел четкие указания из Центра - не подменять подсоветных в их практических делах и действиях.

Установка невмешательства, роль “наблюдателей” для советских военных, когда дерутся две противоборствующие стороны, не могла обеспечить успокоения обстановки в Афганистане, к тому же при постоянной “подкормке” контрреволюционных сил извне исламистами, США и странами НАТО. То, что Америка “пожинает” сегодня у себя в стране и Афганистане по борьбе с терроризмом, пусть пеняет на себя - это урожай ее собственного посева.

Процесс стабилизации обстановки на мирный лад в Афганистане мог бы произойти в том случае, если прекратилась помощь враждующим сторонам извне. Но на беду его народам страна стала центром противоборства двух мировых систем и сверхдержав. Каждая из них не хотела отступать. Для СССР было важно обезопасить свою южную границу в этом регионе. А что реальная угроза существовала, в этом сомнений у Советского руководства не было.

После изгнания народом из Ирана Шаха Пехлеви в 1978 году, а вместе с ним и американцев, последние первоочередное внимание стали уделять Афганистану. Победа и закрепление в этой стране просоветского политического режима резко ухудшила бы положение США в этом регионе. При победе народно-освободительных сил в Пакистане и укреплении позиций Индии, дружественно расположенной к СССР, катастрофически рушились бы позиции США на Среднем Востоке. Кроме того, хотя Советский Союз и не имел таких намерений, но в госдепартаменте США и Пентагоне предполагали, что Советский Союз может попытаться выйти к Персидскому заливу, создавая угрозу очень важным для США нефтяным районам ближнего Востока. Они этого допустить не могли и всеми силами раздували пожар противоборства. Так продолжаться бесконечно не могло. Советское руководство, видя это, наметило новый поворот в этом вопросе.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРИМИРЕНИЕ?

Нашему земляку Александру Ивановичу Бухтоярову довелось быть советником ЦК КПСС в Афганистане, когда в военной политике был намечен новый курс. Как он осуществлялся на практике, рассказывает наш земляк: “Неделя, проведенная накануне отъезда из Москвы, прошла в изучении политической ситуации в Афганистане. От встреч с аналитиками в ЦК КПСС, с непосредственными участниками событий наша небольшая группа советников обогатилась не столько пониманием того, что творилось в Афганистане, сколько осознанием начавшихся перемен в отношении афганской проблемы.

К 1987 году во внутренней политике афганского руководства при активном влиянии СССР, начали происходить существенные перемены. Стало ясно, что прекратить гражданскую войну в этой стране можно только ценой крупномасштабных боевых действий и перекрытия границ с Пакистаном и Ираном, откуда для моджахедов только поступало оружие, боеприпасы, продовольствие и другая помощь. Официальный афганский режим не в состоянии был провести подобный план в

*Президент Афганистана Наджибулла вручает орден «Дружбы народов»
Бухтоярову Александру Ивановичу*

действие. Но и в планы советского руководства это также не входило ввиду возможных больших потерь не только со стороны советской армии, выполнявшей свой солдатский долг, но и со стороны мирного афганского населения, проживающего на территориях, где потребовалось бы проводить боевые действия. А размеры этой территории к тому времени оценивались в 85 процентов. Правительством Афганистана контролировались только центры провинций, крупных волостей и округов, близлежащих к ним кишлаков да важные транспортные магистрали. Вся остальная территория была под контролем оппозиции. В этих условиях дальнейшее пребывание советских войск в ДРА становилось бессмысленным. И только просьбы нового политического афганского руководства и нерешительность, на мой взгляд, руководства СССР не позволили своевременно вывести войска с территории Афганистана.

Решение проблемы нашлось. И решение, думаю, правильное: предоставить афганцам самим решать свои внутренние проблемы. Однако, чтобы осуществить это решение, требовалось время для созревания общественного сознания в неизбежности вывода советских войск и подготовки для этого необходимых условий.

Вот тут и вступила в действие политика национального примирения. Она предусматривала проведение ряда процедур, направленных на сближение противоборствующих сторон и, в конце концов, на прекращение боевых действий между

ними. Параллельно шла работа по повышению уровня самостоятельности афганских кадров при принятии различных решений. В осуществлении обеих задач имелись большие сложности. Достижение согласия осложнялось непримиримым характером противоречий между сторонами. Основным из них являлась полярная политическая ориентация.

В Афганистан мы прибыли в октябре 1987 года накануне второй конференции ЦК НДПА, которая как раз и была посвящена вопросам национального примирения. Мы – это четыре советника, практически “последние из могикиан”: инструктор ЦК КПСС Мясников Николай Иванович, назначенный по прибытии советником в ЦК НДПА по вопросам сельского хозяйства; Завьялов Евгений Александрович - секретарь Владимирского обкома КПСС, назначенный советником сначала в провинцию Балх, а затем переведенный в Кабул; заместители заведующих отделами: один из которых, Пчельников Василий Васильевич из Калмыцкого обкома партии, получивший назначение в провинцию Баглан, а другой - автор этих строк, назначенный в провинцию Кундуз. Главная задача, которая ставилась перед нами, – помочь афганским подсоветным в реализации плана, принятого конференцией. Перед выездом на места нами были обсуждены на совещании, проведенном руководителем группы Виктором Петровичем Поляничко, все важнейшие задачи, вопросы. Уезжая на места, мы уже представляли себе задачи в политической, военной, экономической и социальной областях, которые необходимо было решить до вывода войск.

К чести Виктора Петровича следует отметить, что он очень умело руководил работой советнического аппарата, очень точно оценивал обстановку, часто бывал на местах, грамотно выстраивал стратегическую линию. Его указания и дружеские советы “бывалого”, нами воспринимались и очень помогали. И в этот раз все детали предстоящей работы были выверены вплоть до лозунгов, которыми следовало руководствоваться в предстоящей работе. Жаль, что такой человек все-таки погиб, правда, не в Афганистане, а на Северном Кавказе. Думаю, что те, кто это организовал, знали его недюжинные аналитические способности, неумную работоспособность, умение сплотить людей и чувствовали в нем угрозу.

Разработанная стратегия национального примирения неоднозначно оценивалась самими афганцами. И теми, кто полностью доверял советскому руководству, и теми, кто им противостоял. Одни радовались начавшемуся процессу, другие воспринимали его с тревогой. Вспоминается один разговор со знакомым рабочим Кандагарского аэропорта, по-моему его звали Бобо, в котором он прямо заявил: “Когда вы уйдете, нас всех перебьют”.

Мы понимали, что он недалек от истины. Дальнейшее развитие событий подтвердило опасения. Будучи в Кандагаре, я получил известие о том, что сразу после вывода из Кундуза 201-й мотострелковой дивизии, город был без промедления захвачен моджахедами, которые устроили в нем погромы и резню. Официальные же афганские воинские формирования не смогли им оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления.

В плане национального примирения политическая задача представлялась наи-

более трудной. Предстояло добиться примирения воюющих сторон. Способ, который был предложен, заключался в предоставлении всем политическим силам, и оппозиции в том числе, возможности участвовать в формировании органов государственного управления на основании выборов депутатов народного собрания и сенаторов.

Выборы мне довелось организовывать в двух провинциях. Первоначально в Кундузе, а затем в Кандагаре, куда меня перевели в марте 1988 года.

Волею судьбы мне пришлось прошагать дорогой моего предшественника Владимира Ивановича Чупрунова, секретаря Ярославского обкома КПСС. С опытом его работы были хорошо знакомы прикомандированные переводчики, помогавшие в общении с афганцами. В Кундузе – Усман Обидов, таджик, кандидат наук, не прекращавший своей научной работы по изучению отличий языка афганцев от языка таджиков. В Кандагаре – Валех Гасан-оглы, поэт из Азербайджана, также не прекращавший свои литературные изыски и даже печатавшийся в афганских изданиях на арабском языке. В последние месяцы работы в Кабуле меня сопровождал переводчик - Вахабов Шавкат из Узбекистана. Они помогали лучшему пониманию ситуации, и это влияло на принимаемые по ситуации решения. Одной из особенностей их работы было то, что афганцы, когда хотели сохранить в тайне какую-либо информацию, в своем общении переходили на язык пушту, так как большинство из переводчиков не понимали этого языка. К чести моих коллег, они его знали, хотя афганцам этого не показывали. Это позволяло иногда получить более точную информацию о происходящем, чем через официальные каналы.

Большую помощь в работе и в бытовых делах оказывали наши военные. Они понимали, что партийные советники чаще всего работали без прикрытия броней, ежедневно находясь среди афганцев и надеясь только на собственные силы. В Кундузе – командир 201-й дивизии полковник В.Рузляев, начальник политотдела полковник Л.Петухов, начальник пограничной заставы в Шерхане капитан М.Давакеев, в Кандагаре – командир 70-й бригады полковник Н.Гришин, его замполит Н.Эполетов, начальник госпиталя полковник Ю.Скрыпник, советники афганских войсковых частей полковники Г.Иваницкий и И.Карabut – все эти и многие другие офицеры с готовностью откликнулись на просьбы, помогали решать сложнейшие задачи. При принятии решений мы широко пользовались оперативными разведанными, предоставляемыми в наше распоряжение. В то же время сами делились информацией, которую имели от гражданского населения. Благодаря совместным усилиям, удавалось осуществить намеченные планы национального примирения и проведение выборов. Они состоялись в мае 1988 года. И были достаточно предсказуемы. Победили в них те, кто имел на своей территории силовое преимущество. Причем во многих местностях, где не было форпостов государственной власти, они не проводились и округа остались без депутатов.

Международное сообщество не признало итоги тех выборов. Наверное, это в контексте той политики, которая проводилась против Советского Союза, было правильно, но для нас не было иного пути, чтобы показать серьезность наших намерений идти путем национального примирения.

Те полевые командиры моджахедов, которые пошли по пути национального примирения и заключили с властями соответствующие договоры, безусловно выигра-

ли. Они прекрасно понимали преимущества, приобретаемые в результате перемирия. Контролируемые ими территории не подвергались больше бомбардировкам, на них не проводились боевые действия, сами командиры наделялись властными полномочиями и получали возможность беспрепятственно перемещаться по всей территории страны.

В провинции Кандагар действовал полевой командир Исмаат, отличавшийся скандальным характером и жестокостью. Он, заключив договор о присоединении к политике национального примирения, получил возможность беспрепятственно разъезжать на джипах с группами своих боевиков, вооруженных до зубов гранато-метами и автоматическим оружием, и наводящими страх не только на мирное население, но и вызывая тревогу у наших военных за возможные столкновения. В своем округе Исмаат был “избран” единогласно, голосовало сто процентов населения. Конечно, проверить легитимность выборов было никак нельзя, так как доступа на его избирательные участки не было.

Победу на выборах в своих округах в провинциальных центрах одержали руководители НДПА и кандидаты возглавляемого ими блока, так как оппозиции им в этих округах не было.

Военная составляющая плана национального примирения включала в себя, во-первых, создание мирных зон путем заключения договоров с полевыми командирами о прекращении боевых действий и, во-вторых, пересмотр схем территориальной обороны, в которых советские войска замещались силами афганских формирований. В связи с этим советские войска начали подготовку к выходу из Афганистана, хотя при необходимости боевые действия велись. Например, была проведена крупная войсковая операция “Магистраль” по разблокированию дороги в округ Хост, который был отрезан от основных коммуникаций и нуждался в пополнении боезапасов и продовольствия.

Проводились и некоторые другие локальные операции по очистке от группировок противника мест предполагаемого передвижения наших войск при выводе на Родину. Мне довелось участвовать в операции, проведенной мотоманевренной группой Пянджского погранотряда против группировок, располагавшихся вдоль северной границы провинции Кундуз и обстреливавших с этой территории Таджикистан. Операция прошла успешно, обстрелы прекратились.

Начался вывод ограниченного контингента советских войск из Афганистана.

МНЕНИЕ ГЕНЕРАЛА И УЧЕНОГО

Почему мы не достигли намеченных Советским руководством целей в Афганистане, сейчас дебатируют многие политологи и военные. Мне как человеку военному и участнику этих событий кажутся весьма вескими и убедительными аргументы, высказанные генералом армии, доктором военных и исторических наук, человеком, тоже принимавшим в делах помощи Афганистану непосредственное участие, Махмутом Ахметовичем Гареевым: “В декабре 1979 года в доверительной беседе мы докладывали Маршалу Николаю Васильевичу Огаркову, что для быстрой стабилизации обстановки в Афганистане нужно последова-

*Гареев
Махмут Ахметович*

уже приняты, эту тему он больше обсуждать не хотел. Позже Николай Васильевич сказал только: “Времена не те, и никто “в верхах” на такие действия не пойдет”.

Дело уже прошлое, но, как теперь представляется, при изложенном способе более массированных действий, обстановка в Афганистане могла постепенно нормализоваться и уже через 2-3 года можно было бы значительную часть войск из Афганистана выводить. Трудно сказать, какими могли быть политические последствия более массированного вторжения в Афганистан, но со всей определенностью можно утверждать, что были бы значительно меньшими человеческие жертвы и материальные издержки афганской войны.

Однако, как обычно бывает при безвольном и дряблом политическом руководстве, было принято половинчатое решение: ввести в Афганистан “ограниченный контингент советских войск”, что наряду с другими известными ошибками и просчетами советского и афганского руководства привело к затяжной, изнурительной, разрушительной войне со всеми вытекающими из этого бедствиями.

Исторический опыт показывает, что самые пагубные действия в политике и в военном искусстве — это половинчатые, разрозненные и нерешительные действия. С точки зрения политической и международного звучания в принципе никакой разницы нет, вводится в другую страну 2-3 или 20-30 дивизий. Резонанс и внешнеполитические последствия почти одни и те же. Но массированные и решительные действия позволяют в более короткие сроки и с лучшими результатами решать задачи.

Да и посылать войска в Афганистан надо было после тщательной подготовки, придав им организационную структуру, соответствующую условиям выполнения предстоящих задач. Правда, раздаются голоса, что в 1979 году надо было некоторым политическим и военным деятелям, не согласным с решением о вводе советских войск в Афганистан, поступать так же, как академик Андрей Дмитриевич Сахаров: протестовать против этого решения и даже отказываться выполнять приказ.

тельно ввести туда не менее 30-35 дивизий, которые должны были в первую очередь перекрыть границы этой страны с Пакистаном, Ираном, занять все важнейшие населенные пункты, аэродромы, коммуникации и тем самым не допустить проникновения в Афганистан вооруженных формирований, приток оружия, быстро разоружить сопротивляющиеся отряды внутри страны и тем самым лишить оппозицию всякой возможности вооруженного сопротивления. Мною предлагалось даже до ввода войск провести с командирами и штабами командно-штабное учение или военную игру и проверить реальность этих расчетов. Но после принятия политического решения руководством страны времени для этого уже не оставалось. Не знаю, докладывал ли он эти предложения Министру обороны. После того, как политические решения были

Слов нет, гражданского мужества многим нашим деятелям явно не доставало. Его иногда легче проявить в боевой обстановке, чем в мирное время. Во всяком случае, в связи с решением по Афганистану никто, в том числе и из военных руководителей, не подал даже в отставку. Но, во-первых, есть большая разница в политическом, юридическом положении, степени ответственности тех, кто выражал общественный протест, и тех, кто получал официальный приказ на выполнение тех или иных действий, связанных с Афганистаном. Любой военный человек знает, какими последствиями чревато невыполнение приказа. И речь идет не только лично об этом человеке, но прежде всего о пагубности такого примера для разрушения армии, которая без дисциплины и подчинения законному правительству, теряет смысл своего существования. Во-вторых, в те времена для абсолютного большинства личного состава нашей армии не было такой ясности, как сейчас, в оценке событий, происходящих в Афганистане. Даже высшее советское руководство до конца не предвидело трагические последствия афганской войны.

Видимо, Андрей Дмитриевич Сахаров и другие ученые, выполнявшие задания правительства по созданию ядерного оружия, в свое время также не до конца осознавали, к каким последствиям это может привести.

Полностью согласен с позицией генерала армии Гареева и с его оценкой места вооруженных сил в политической жизни. Снова сошлюсь на его размышления по этому вопросу: “Сейчас в новой России некоторые деятели поговаривают о том, что армия вне политики, и она должна только беспрекословно выполнять политические решения. Но как не раз уже убеждала жизнь (и в 1941 году, и в послевоенные годы при принятии важнейших решений по вопросам военного строительства, и в афганских событиях) отвлеченной политики в чистом виде нет и не может быть. Политические решения могут быть жизненными и обоснованными только в том случае, если они учитывают все стороны дела — и внешнеполитические, экономические, идеологические и в необходимой мере и военно-стратегические соображения. Генштаб, военные люди не могут определять политику, но они должны активно участвовать в квалифицированной разработке ее военных аспектов, игнорирование которых приводит в ряде случаев и к крупным политическим провалам.

После того, как политическое решение все же было принято, с точки зрения военной наиболее целесообразным, пожалуй, было, осуществление более масштабного и мощного вторжения в Афганистан. Кстати, в некоторых воспоминаниях последнего времени утверждается, что термин “ограниченный контингент” советских войск установил Дмитрий Федорович Устинов в декабре 1979 года. Возможно, это и так. Но такой термин первоначально имел хождение еще в 1968 году перед вводом советских войск в Чехословакию. Министр обороны Маршал Советского Союза Андрей Антонович Гречко на совещании с командармами в Лигнице в начале августа 1968 года рассказывал, что ему предлагали ввести в Чехословакию “ограниченный контингент” войск не более 4-5 дивизий. Но Маршал Гречко был человеком волевым, решительным и, по его словам, он настоял на том, чтобы вводилось не менее 20-25 дивизий. В частности, 28 армия Белорусского военного округа под командованием генерал-лейтенанта Г.И. Салманова (начальником штаба армии был автор этих строк) вошла в Чехословакию двумя дивизиями (15-я танковая и 30-я мотострелковая). Мы наглядно видели, как внезапное вторжение круп-

ными силами позволило с самого начала плотно блокировать важнейшие города, узлы дорог, военные городки, склады и поэтому, если бы даже какие-то воинские части попытались оказать сопротивление, они этого не смогли бы сделать. (М. Гареев "Афганская страда", М., 1999, с. 43-45).

НАМ ГЛАЗ НИ ПЕРЕД КЕМ НЕ ОПУСКАТЬ

Большое видится на расстоянии. Время когда-нибудь, безусловно, праведно рассудит и оценит те неоднозначные события и все поставит на свои места. Будем надеяться на глубокий научный анализ того политического и военного положения в мире, а не разборку с пристрастием действий отдельных личностей, чтобы свалить на кого-то вину.

Наша забота и цель сегодня в другом, – не забыть о солдате, его верности воинской присяге, чести и мужестве, умении в самых сложных условиях не дрогнуть, проявить себя продолжателем славных боевых традиций отцов и дедов, своего народа. Как человек военный, отдавший армии и служению Отечеству всю свою жизнь, могу твердо сказать, что армия сильна духом народа, его традициями, коллективизмом, способностью и умением выполнить Приказ. Если она не способна это сделать, то не имеет смысла говорить о ее боеспособности, а значит, и о безопасности нашей Родины. И такого никогда не должно случиться.

Нам хочется, чтобы люди, прочитав эту книгу, в первую очередь, подумали не об ошибках и просчетах руководителей и политиков двух стран той поры, а о солдатах и офицерах, которые в многотрудных и опаснейших условиях с честью и достоинством выполнили свой воинский долг и военную присягу. Никто не вправе сомневаться в том, что в декабре 1979 года тысячи наших соотечественников, одетых в солдатские шинели и бушлаты, покачиваясь в боевых машинах на крутых поворотах горных перевалов, неслись в своих чистых помыслах и устремлениях на помощь афганскому народу, чтобы помочь ему строить в своей стране свободную и счастливую жизнь. А что помощь этому народу была нужна, мы видели ежедневно, но как ее лучше оказать, не всегда понимали, умели и могли. Но и в этих условиях наши воины действительно становились защитниками угнетенных и обездоленных, спасали жизни женщин, стариков и детей, охраняли кишлаки и селения от налетов душманских банд. И не вина нашего народа, что Афганистан в те годы стал полигоном большой мировой политики, а интернациональная, я бы точнее ее назвал, добрососедская, помощь обернулась жестокой войной.

Когда я слышу дилетантские разговоры и мнения об афганских событиях и о наших солдатах на этой войне, сформированные с подачи многочисленных тенденциозных радиоголосов и поверхностных кинолент, то передо мной встают в полный рост мои товарищи по боям, настоящие наши парни с обветренными лицами и

Усманов
Владимир Викторович

потрескавшимися от жары губами, по первому зову взбиравшиеся на горные вершины, чтобы вынести с поля боя товарища. В изодранных ботинках, пропыленных и просоленных потом гимнастерках, они светились чистотою своих помыслов и сердец, блеском бескорыстной отваги и мужества, гуманностью чувств. Это о моих современниках участник боев на афганской земле Виктор Верстаков очень честно и точно сказал:

*Вспомнится холод брони на рассвете, Ради детей на бандитские пули
Жаркие схватки в ущельях сырых. Ты поднимался, себя не берёг,
Вспомнятся дети, афганские дети. Ради детей, подлечившись в Кабуле,
Дети – во-первых. Бои – во-вторых. В полк сэкономленный вез сухпаек...*

Люди на этой войне, кроме того, что они потеряли, многое и приобрели. И в первую очередь, проверили себя на человеческое мужество и прочность, обрели боевое братство. Я знаю, что если понадобится, эти парни первыми снова станут в воинский строй, если позовет Родина. И будут также справедливы и мужественны.

И не вина многих, вернувшихся с той войны, что они очень трудно искали свое место в жизни, и не все у них сразу получилось, как хотелось. И во многом твердо определиться в жизни вчерашним воинам-афганцам помешали холодность людей, занявших кабинеты государственных учреждений в перестроечную пору, их равнодушие и, как бич, хлесткие слова: “А мы вас в Афганистан не посылали”. Для таких людей слово Родина - просто буквы, а у нас оно заставляет по-особому биться сердце.

Но мы знаем, кто нас посылал – приказ Родины. В нас и по сей день течет горячая кровь, а не водица. Жизнь продолжается и борьба за справедливое место в ней тоже.

Дорогие мои “шурави”, мы честно выполнили свой воинский и гражданский долг перед Отечеством. Идите по жизни гордо. И пусть вам повезет.

Главу об афганских событиях хочу закончить раздумьями гвардии сержанта, курганца Михаила Викторовича Сормачева - кавалера ордена Красной Звезды, медали “За отвагу”, знака “За разминирование” и знака ЦК ВЛКСМ “Воинская доблесть”, погибшего на земле Афганистана:

*Кто вынес все остался сам собою,
Тому глаза ни перед кем не опускать,
Тот вспомнит о друзьях своих с тоскою,
С кем довелось и жить, и умирать.*

Достойному защитнику Отечества глаз ни перед кем не опускать! Дорожить своей честью, святостью исполненного воинского долга.

И верно видел свое участие в афганской войне, еще один наш замечательный земляк-шадринец Герой Советского Союза Валерий Анатольевич Бурков, написавший:

*Нет не зазря звезда моя жива,
Мерцает в поднебесье тихим светом,
Я сделал все, что Родина ждала, -
И лишь прошу не позабыть об этом.*

Мы сделали все что смогли, пусть кто сможет, сделает лучше, но это, наверное, будут другие люди, другое время и другая история.